

Содержание

Ближний Восток на пороге Революции. Самир Амин, Ясир Арафат	6
Введение к французскому изданию	6
Арабская весна?	9
Глава первая. Штормы весны и осени	14
Глава вторая. Провал американской геополитики	41
Сердце отдаю тебе, Палестина. Лейла Халед	89
Часть первая. Лишения и страдания.	89
Глава первая. Лестница	89
Глава вторая. Образование и революция	109
Глава третья. Изгнание в Кувейте	136
Часть вторая. Декларация нового человечества —	
Сопrotивление и революция.	164
Глава четвёртая. Дорога на Хайфу	164
Глава пятая. Палестина в Америке	192

Самир Амин, Ясир Арафат

БЛИЖНИЙ ВОСТОК НА ПОРОГЕ РЕВОЛЮЦИИ

Введение к французскому изданию

2011 год открылся серией сокрушительных взрывов гнева со стороны арабских народов. Но сможет ли эта «арабская весна» найти решение проблем, стоящих перед демократическими силами в Египте и других арабских странах? Аргументы в пользу положительного или отрицательного ответа на этот вопрос одинаково весомы и убедительны.

Арабский мир (а за ним и мусульманский мир в целом) уже давно сумел навязать себя в качестве активного участника формирования древней, досовременной глобализации. Но он не смог избежать упадка и поддался натиску современной капиталистической глобализации, несмотря на неоднократные и серьезные попытки в XIX, а затем и в XX веке выйти из статуса периферии, на которой доминирует империализм западных держав.

Для того чтобы ответить на этот вызов, необходимо раз и навсегда расстаться с иллюзиями в духе ретроспективизма, то есть со всей перспективой «исламизации общества и политики». Речь идет не о сплочении вокруг некачественных товаров вестернизации, которые могут быть вполне совместимы с происходящей «исламизацией», а об освобождении изобретательского потен-

циала арабских народов (ориентированного на изобретение будущего, а не на возврат к прошлому). Это необходимо для того, чтобы они стали активными агентами в формировании своего будущего вместе с другими народами, борющимися против доминирующего капитализма/империализма, и на их стороне.

Для того чтобы размышлять и действовать, необходимо вернуться к критическому прочтению прошлого и настоящего арабского мира. Когда он стал «арабским миром»? На этот вопрос я отвечаю во введении к главе 2.

В первой главе этой книги дается интерпретация взрывов 2011 г., а в последующих четырех главах прослеживается длительная эволюция места арабского мира в мировых системах вчерашнего и сегодняшнего дня в рамках «глобальной истории».

Эти четыре главы организованы вокруг четырех основных понятий: «центр», «спад», «рывок», «дрейф». Они соответствуют исторической последовательности места и роли арабского мира в древних трибунных системах мира, а затем в последовательных фазах развития глобализированной капиталистической системы. При этом наблюдается некоторое дублирование, поскольку некоторые из прежних характеристик сохранились с течением времени, иногда вплоть до наших дней.

Эти мысли нашли свое развитие в большом количестве моих прежних работ, часть из которых посвящена странам арабского мира (Египет, Магриб, Сирия, Ирак, «арабская нация»), а часть — более общим вопросам, вытекающим из природы соответствующих «глобальных» систем. Для данного изложения я сохранил только основные аспекты вопроса. Более любознательные могут ознакомиться с этими событиями далее, как указано в библиографии.

До 1500 г. мировая система имела отношение только к восточному полушарию планеты (Евразия и Африка), которое развивалось в условиях (взаимного) игнорирования «доколумбовых» миров. Но с 1500 г. эта система охватывает всю планету, интегрированную в развитие нового глобального капитализма.

«Весны» арабских народов, как и те, что переживают народы Латинской Америки в последние два десятилетия, — это то, что я называю вторым пробуждением народов Юга. Первое пробуждение произошло в XX веке, пока не натолкнулось на контрастную оппозицию неолиберального капитализма/империализма. Второе пробуждение принимало различные формы — от взрывов против автократий, сопровождавших распространение неолиберализма, до постановки под сомнение международного порядка странами «новой волны». Таким образом, эти «весны» совпадают с «осенью капитализма»: закатом капитализма обобществленных, глобализированных и финансируемых монополий. Эти движения, как и движения предыдущего века, направлены на восстановление независимости народов и государств периферии системы, на возвращение им инициативы в преобразовании мира. Поэтому это прежде всего антиимпериалистические движения, а значит, потенциально антикапиталистические.

Если нынешним движениям удастся объединиться с трудящимися империалистических центров в очередном необходимом пробуждении, то может возникнуть подлинная социалистическая перспектива на уровне всего человечества. Но это ни в коем случае не должно произойти как «историческая необходимость». Закат капитализма может открыть путь к длительному переходу к социализму — или же он может привести человечество к всеобщему варварству. К такой страшной перспективе может привести сочетание уже реализуемого проекта военного контроля планеты вооруженными силами США и их подчиненных союзников по НАТО, упадка демократии в странах империалистического центра и ностальгического отказа от демократии в восставших странах Юга (который принимает форму иллюзий религиозных «фундаменталистов», предлагаемых исламом, индуизмом и буддизмом).

Поэтому борьба за светскую демократизацию имеет в настоящее время решающее значение, противопоставляя перспективу эмансипации народов перспективе всеобщего варварства.

Арабская весна?

2011 год начался с серии сокрушительных, гневных взрывов, прогремевших в арабских странах. Станет ли эта весна началом второго пробуждения арабского мира? Или же эти восстания заглохнут и в конце концов окажутся безрезультатными, как это произошло с первым эпизодом этого пробуждения, о котором я писал в своей книге «Пробуждение Юга» (L'éveil du Sud)? Если первая гипотеза подтвердится, то движение арабского мира вперед неизбежно станет частью движения за выход за пределы империалистического капитализма в мировом масштабе. В противном случае арабский мир останется в своем нынешнем статусе покорной периферии, что не позволит ему возвести себя в ранг активного участника формирования мира. Всегда опасно делать обобщения по поводу «арабского мира», игнорируя тем самым многообразие объективных условий, характерных для каждой страны этого мира. Поэтому ниже я остановлюсь на Египте, который, как легко убедиться, играет и всегда играл важную роль в общей эволюции своего региона.

Египет был первой страной на периферии глобализированного капитализма, которая попыталась «выйти из игры». Еще в начале XIX века, задолго до Японии и Китая, вице-король Мохаммед Али задумал и осуществил программу обновления Египта и его ближайших соседей по Арабскому Машрику (Машрик означает «Восток», т.е. восточная часть Северной Африки и Левант). Этот активный эксперимент занял две трети XIX века и запоздало выдохся лишь в 1870-х годах, во второй половине правления хедива Исмаила. При анализе его неудач нельзя не учитывать жестокость внешней агрессии со стороны Великобрита-

нии — передовой державы промышленного капитализма в этот период. Трижды — в морской кампании 1840 г., затем в 1870-х годах, взяв под контроль финансы хедива, и, наконец, в 1882 г., осуществив военную оккупацию, — Англия яростно добивалась своей цели: сделать так, чтобы современный Египет так и не смог возникнуть. Конечно, египетский проект был подвержен ограничениям своего времени, поскольку он явно предполагал становление в рамках капитализма и через капитализм, в отличие от второй попытки становления Египта, о которой мы поговорим далее. Социальные противоречия этого проекта, как и лежащие в его основе политические, культурные и идеологические предпосылки, несомненно, несут свою долю ответственности за его неудачу. Но факт остается фактом: без империалистической агрессии эти противоречия, вероятно, были бы преодолены, как это произошло в Японии. Избитый, зарождающийся Египет был вынужден почти 40 лет (1880—1920 гг.) находиться в роли подневольной периферии, институты которой были перестроены в соответствии с принятой в тот период моделью капиталистического/империалистического накопления. Этот навязанный регресс нанес удар не только по производственной системе, но и по политическим и социальным институтам страны. Он планомерно укреплял все реакционные и средневековые культурно-идеологические представления, которые позволяли удерживать страну в подчиненном положении.

Египетская нация — ее народ, ее элиты — так и не смирилась с этой позицией. Этот упорный отказ, в свою очередь, породил вторую волну восходящих движений, развернувшуюся в течение последующих полувека (1919—67 гг.). По сути, я рассматриваю этот период как непрерывную череду борьбы и крупных движений вперед. Он имел тройную цель: демократия, национальная независимость и социальный прогресс. Эти три цели — какими бы ограниченными и порой запутанными ни были их формулировки — были неотделимы одна от другой, и эта неотделимость была тождественна выражению

Лейла Халед

последствий интеграции современного Египта в глобализированную капиталистическую/империалистическую систему того периода. При таком прочтении глава (1955—67 гг.) насеровской систематизации является не чем иным, как заключительной главой той длинной череды наступательной борьбы, которая началась с революции 1919—20 гг.

В первый момент этого полувекового подъема освободительной борьбы в Египте с образованием в 1919 г. партии Вафд акцент был сделан на политической модернизации путем при-

нения (в 1923 г.) буржуазной формы конституционной демократии (ограниченной монархии) и завоевания независимости. Форма демократии допускала прогрессивную секуляризацию (если не секуляризм в радикальном смысле этого слова), символом которой стал флаг, соединяющий крест и полумесяц (флаг, вновь появившийся на демонстрациях в январе и феврале 2011 г.). «Нормальные» выборы позволили коптам (коренным египетским христианам) не только избираться мусульманским большинством, но и занимать высокие посты в государстве.

Англичане приложили все свои силы, активно поддерживаемые реакционным блоком, состоявшим из монархии, крупных помещиков и богатых крестьян, для того, чтобы уничтожить демократические успехи, достигнутые Египтом под руководством вафдистов. В 1930-е годы диктатура Седки-паши, отменив демократическую конституцию 1923 года, столкнулась со студенческим движением, возглавлявшим тогда демократическую антиимпериалистическую борьбу. Не случайно для противодействия этой угрозе британское посольство и королевский дворец активно поддержали создание в 1927 г. «Братьев-мусульман», вдохновленных «исламистской» мыслью в ее наиболее отсталом «салафитском» варианте ваххабизма, сформулированном Рашидом Редой, — наиболее реакционной, антидемократической и противостоящей социальному прогрессу версии новорожденного «политического ислама».

Завоевание Эфиопии, предпринятое Муссолини в условиях надвигающейся мировой войны, вынудило Лондон пойти на некоторые уступки демократическим силам. В 1936 г. Вафд, усвоив урок, было позволено вернуться к власти, и был подписан новый англо-египетский договор. Вторая мировая война неизбежно стала своего рода скобкой. Но уже 21 февраля 1946 г. с образованием блока «рабочие-студенты» возобновилась волна борьбы, которая усилилась в своей радикализации благодаря выходу на сцену коммунистов и рабочего движения. Египетские реакционеры, поддержанные Лондоном, вновь от-

ветили насилем и с этой целью мобилизовали «Братьев-мусульман» на поддержку второй диктатуры Седки-паши, не сумев, однако, заглушить протестное движение. В 1950 г. пришлось провести выборы, и к власти вернулась партия «Вафд». Его отказ от договора 1936 г. и начало партизанских действий в зоне Суэцкого канала были побеждены только путем поджога Каира (январь 1952 г.), в котором «Братья-мусульмане» принимали самое активное участие.

Глава первая

Штормы весны и осени

Первый государственный переворот 1952 г., совершенный «Свободными офицерами», и, прежде всего, второй переворот 1954 г., в результате которого Насер взял власть в свои руки, был воспринят одними как «увенчание» непрерывного потока борьбы, а другими — как ее прекращение. Отвергнув изложенную выше точку зрения на египетское пробуждение, насеризм выдвинул идеологический дискурс, который перечеркнул всю историю с 1919 по 1952 год, чтобы перенести начало египетской революции на июль 1952 года. В то время многие коммунисты осуждали этот дискурс и анализировали государственные перевороты 1952 и 1954 гг. как направленные на прекращение радикализации демократического движения. И они не ошиблись, так как насеризм приобрел форму антиимпериалистического проекта только после Бандунгской конференции в апреле 1955 года. Насеризм тогда внес свой вклад: решительно антиимпериалистическую международную позицию (в союзе с панарабским и панафриканскими движениями) и некоторые прогрессивные (но не социалистические) социальные реформы. Все это делалось сверху, не только без демократии (народные массы были лишены права на самоорганизацию), но даже с упразднением любой формы политической жизни. Это было приглашением политическому исламу заполнить образовавшийся вакуум. Всего за десять лет (1955—65 гг.) насеровский проект исчерпал свой прогрессивный потенциал. Его исчерпание дало империализму, возглавляемому отныне США, шанс сломить это движение, мобилизовав для этого свой региональный военный инструмент: Израиль. Поражение

1967 г. ознаменовало конец течения, которое длилось полвека. Его отток был инициирован самим Насером, который выбрал путь уступок правым («инфита» или «открытие», разумеется, открытие для капиталистической глобализации), а не радикализации, к которой призывало, в частности, студенческое движение (которое ненадолго вышло на сцену в 1970 г., незадолго до и после смерти Насера). Его преемник Садат усилил и расширил правый поворот и интегрировал «Братьев-мусульман» в свою новую авторитарную систему. Мубарак продолжил движение по тому же пути.

Последующий период отступления длился, в свою очередь, еще почти полвека. Египет, подчинившись требованиям глобализационного либерализма и стратегии США, просто перестал существовать как активный фактор региональной и мировой политики. В его регионе на первый план вышли основные союзники США — Саудовская Аравия и Израиль. Израиль получил возможность проводить курс на расширение колонизации оккупированной Палестины при молчаливом попустительстве Египта и стран Персидского залива.

При Насере в Египте была создана экономическая и социальная система, которая хотя и подвергалась критике, но, по крайней мере, была последовательной. Насер сделал ставку на индустриализацию как на выход из колониальной международной специализации, ограничивавшей страну ролью экспортера хлопка. Его система поддерживала такое распределение доходов, которое благоприятствовало росту среднего класса, не приводя к обнищанию народных масс. Садат и Мубарак демонтировали египетскую производственную систему, поставив на ее место совершенно бессвязную систему, основанную исключительно на прибыльности фирм, большинство из которых были простыми субподрядчиками империалистических монополий. Предполагаемые высокие темпы экономического роста, которые на протяжении тридцати лет восхвалялись Всемирным банком, оказались совершенно бессмысленными. Египетский рост был крайне неустойчив. Более того, этот рост сопровождался невероятным ростом неравенства

и безработицы, от которой страдала большая часть молодежи страны. Это была взрывоопасная ситуация. И взрыв случился.

Очевидная «стабильность режима», которой кичились смеявшиеся друг друга американские чиновники, такие как Хиллари Клинтон, основывалась на чудовищном полицейском аппарате, насчитывающем 1 200 000 человек (армия насчитывала всего 500 000), которые могли ежедневно совершать преступные действия. Империалистические державы утверждали, что этот режим защищает Египет от угрозы исламизма. Это было не более чем неуклюжей ложью. На самом деле режим идеально интегрировал реакционный политический ислам (по ваххабитской модели стран Персидского залива) в свою структуру власти, установив контроль над образованием, судами и основными средствами массовой информации (особенно телевидением). Единственной разрешенной публичной речью стали выступления в салафитских мечетях, что позволило исламистам, по совместительству, претендовать на роль «оппозиции». Циничная двуличность выступлений американского истеблишмента (Обамы не меньше, чем Буша) была идеально приспособлена к его целям. Фактическая поддержка политического ислама разрушала способность египетского общества противостоять вызовам современного мира (что привело к катастрофическому снижению уровня образования и научных исследований), а Вашингтон, периодически осуждая его «злоупотребления» (например, убийства коптов), мог легитимизировать свои военные интервенции как действия в рамках самопровозглашенной «войны с терроризмом». Режим мог казаться «терпимым» до тех пор, пока у него был предохранительный клапан, обеспечиваемый массовой эмиграцией бедных и средних слоев населения в нефтедобывающие страны. Исчерпание этой системы (на смену азиатским иммигрантам пришли выходцы из арабских стран) повлекло за собой возрождение оппозиционных движений. Забастовки рабочих в 2007 году (самые сильные забастовки на африканском континенте за последние 50 лет), упорное сопротивление мелких фермеров, которым грозила экспроприация

ция аграрного капитала, формирование демократических групп протеста среди среднего класса (таких как движения «Кефайя» и «6 апреля») предвещали неизбежный взрыв — ожидаемый египтянами, но поразительный для иностранных наблюдателей. Так началась новая фаза освободительной борьбы, направления и возможности развития которой мы сегодня призваны проанализировать.

Составляющие демократического движения

Происходящая сейчас египетская революция показывает, что можно предвидеть конец неолиберальной системы, пошатнувшейся во всех своих политических, экономических и социальных измерениях. Гигантское движение египетского народа объединяет три активных компонента: молодежь, «переполитизированную» по собственному желанию в «современные» формы, которые она сама же и придумала; силы радикальных левых; силы демократических средних слоев. Молодежь (около миллиона активистов) возглавила движение. К ним сразу же присоединились леворадикальные и демократические средние слои. Братья-мусульмане», чьи лидеры призывали бойкотировать демонстрации в первые четыре дня (будучи уверенными, что демонстранты будут разгромлены репрессивным аппаратом), приняли движение лишь с опозданием, когда его призыв, услышанный всем египетским народом, привел к гигантским мобилизациям 15 млн. демонстрантов.

Молодежь и радикальные левые ставят перед собой три общие задачи: восстановление демократии (прекращение полицейского/военного режима), проведение новой экономической и социальной политики, благоприятной для народных масс (отказ от подчинения требованиям глобализированного либерализма), и независимая внешняя политика (отказ от подчинения требованиям гегемонии США и распространения американского

военного контроля на всю планету). Демократическая революция, к которой они призывают, — это демократическая социальная и антиимпериалистическая революция. Несмотря на то, что молодежное движение разнообразно по своему социальному составу и политико-идеологическим проявлениям, в целом оно относит себя к «левым». Об этом свидетельствуют его сильные и спонтанные проявления симпатий к левым радикалам.

Средние слои в целом объединяются только вокруг демократической цели, не возражая ни против «рынка» (такого, какой он есть), ни против международной ориентации Египта. Нельзя не отметить и роль группы блогеров, которые сознательно или нет участвуют в настоящем заговоре, организованном ЦРУ. Его вдохновителями, как правило, являются молодые люди из обеспеченных слоев общества, крайне «американизированные», но при этом представляющие себя как противники установившихся диктатур. Тема демократии в том варианте, который необходим для манипулирования ею со стороны Вашингтона, занимает главное место в их рассуждениях в сети. Это делает их активными участниками цепочки контрреволюций, срежиссированных Вашингтоном и замаскированных под «демократические революции» по образцу восточноевропейских «цветных революций». Но было бы неверно думать, что за народными волнениями стоит заговор. ЦРУ стремится изменить направление движения, отдалить его активистов от цели прогрессивных социальных преобразований и перевести их на другие рельсы. Эта схема будет иметь все шансы на успех, если движение не сможет объединить свои разнородные компоненты, определить общие стратегические цели, придумать эффективные формы организации и действия. Примеры таких неудач хорошо известны — посмотрите на Индонезию и Филиппины. Примечательно, что блогеры, пишущие на английском, а не арабском(!) языке, защищая «демократию по-американски» в Египте, зачастую приводят аргументы, легитимизирующие «Братьев-мусульман».

Призыв к демонстрациям, прозвучавший из уст трех активных участников движения, был быстро услышан всем египетским народом. Репрессии, крайне жестокие в первые дни (более тысячи погибших), не обескуражили этих молодых людей и их союзников (которые ни разу, в отличие от некоторых других мест, не обратились за помощью к западным державам). Их мужество сыграло решающую роль в том, что 15 млн. египтян из всех районов больших и малых городов и даже деревень вышли на многодневные (а иногда и ночные) демонстрации протеста. Их ошеломляющая политическая победа привела к тому, что страх перешел на другую сторону. Обама и Хиллари Клинтон поняли, что им придется бросить Мубарака, которого они до сих пор поддерживали, в то время как армейские лидеры прекратили молчание и отказались взять на себя задачу подавления — тем самым защищая свой имидж — и в итоге сместили Мубарака и нескольких его наиболее важных приспешников.

Обобщение движения среди всего египетского народа само по себе является позитивным вызовом. Ведь этот народ, как и любой другой, далеко не однородный блок. Некоторые из его основных компонентов, несомненно, являются источником силы для перспективы радикализации. Решающим может стать вступление в борьбу 5-миллионного рабочего класса. Боевые рабочие, проводя многочисленные забастовки, продвинулись дальше в создании организаций, которые они начали создавать в 2007 году. Уже насчитывается более 50 независимых профсоюзов. Упорное сопротивление мелких фермеров экспроприации, разрешенной отменой законов об аграрной реформе (Братья-мусульмане отдали свои голоса в парламенте в поддержку этого порочного закона под предлогом того, что частная собственность «священна» для ислама и что аграрная реформа была вдохновлена дьяволом, коммунистом!), — еще один радикализирующий фактор для движения. Более того, огромная масса бедного населения активно участвовала в демонстрациях февраля 2011 г. и часто входит в состав районных народных комитетов «в защиту революции». Бороды,

чадры, стиль одежды этих бедняков могут создать впечатление, что египетское общество в своей глубине исламское, даже что оно мобилизовано «Братьями-мусульманами». В действительности же они вырвались на сцену, и лидерам этой организации ничего не оставалось, как согласиться с ними. Таким образом, идет гонка: кто — «Братья-мусульмане» и их (салафитские) исламистские единомышленники или демократический альянс — сумеет создать эффективные альянсы со все еще растерянными массами и даже (термин, который я отвергаю) «взять их под дисциплину»?

Заметный прогресс в создании единого фронта рабочих и демократических сил наблюдается в Египте. В апреле 2011 г. пять социалистических партий (Египетская социалистическая партия, Народно-демократический альянс, состоящий в большинстве своем из членов бывшей левой партии Тагамму, Демократическая партия труда, «троцкистская» Социалистическая революционная партия и Египетская коммунистическая партия, входившая в Тагамму) создали Альянс социалистических сил, в рамках которого обязались вести совместную борьбу. Параллельно был создан Национальный совет (Маглис Ватани), в который вошли все активные политические и общественные силы движения (социалистические партии, различные демократические партии, независимые профсоюзы, крестьянские организации, молодежные сети и многочисленные общественные объединения). Совет насчитывает около 150 членов, причем «Братья-мусульмане» и правые партии отказались от участия в нем, подтвердив тем самым свою известную оппозицию продолжению революционного движения.

Противостояние демократическому движению: реакционный блок

Как и в прошлые периоды подъема борьбы, демократическое общественное и антиимпериалистическое движение в Египте противостоит мощному реакционному блоку. Возмож-

но, этот блок можно определить по его социальному составу (разумеется, по составляющим его классам), но не менее важно определить его по средствам политического воздействия и по идеологическому дискурсу, обслуживающему его политику.

В социальном плане реакционный блок возглавляет египетская буржуазия в целом. Формы зависимого накопления, действовавшие в течение последних 40 лет, привели к появлению богатой буржуазии, единственного бенефициара скандального неравенства, сопутствующего глобализированной либеральной модели. Это несколько десятков тысяч не «инновационных предпринимателей», как их любит называть Всемирный банк, а миллионеров и миллиардеров, обязанных своим состоянием сговору с политическим аппаратом (коррупция является органической частью их системы). Это компрадорская буржуазия (на политическом языке Египта народ называет их «коррумпированными паразитами»). Они составляют активную опору для размещения Египта в современной империалистической глобализации в качестве безусловного союзника США. В рядах этой буржуазии много военных и полицейских генералов, «гражданских лиц», связанных с государством и доминирующей Национально-демократической партией, созданной Садатом и Мубараком, а также религиозных деятелей — все руководство «Братьев-мусульман» и ведущие шейхи университета Аль-Азхар являются миллиардерами.

Конечно, еще существует буржуазия, состоящая из активных мелких и средних предпринимателей. Но они являются жертвами рэкета, созданного компрадорской буржуазией, и, как правило, низведены до статуса подчиненных субподрядчиков местных монополистов, которые сами являются лишь передаточным звеном для иностранных монополий. В строительной отрасли эта система является общим правилом: «великие» берут государственные заказы, а затем передают работы «малым». Эта подлинно предпринимательская буржуазия сочувствует демократическому движению.

Не меньшее значение имеет и сельская часть реакционного блока. Ее составляют богатые крестьяне, ставшие главными бенефициарами аграрной реформы Насера, заменившей прежний класс зажиточных помещиков. В сельскохозяйственные кооперативы, созданные режимом Насера, входили как богатые, так и бедные крестьяне, поэтому они работали в основном на благо богатых. Но при этом режим принимал меры по ограничению возможных злоупотреблений в отношении бедных крестьян. Как только от этих мер отказались Садат и Мубарак по совету Всемирного банка, сельские богачи принялись за работу по ускоренному уничтожению бедного крестьянства. В современном Египте сельские богачи всегда представляли собой реакционный класс, а сейчас — как никогда. Они также являются главными спонсорами консервативного ислама в сельской местности и, благодаря своим тесным (часто семейным) связям с чиновниками государственного и религиозного аппарата (в Египте университет Аль-Азхар имеет статус, эквивалентный организованной мусульманской «церкви»), доминируют в сельской общественной жизни. Более того, значительная часть городского среднего класса (особенно армия и полиция, а также технократы и медицинские/юридические работники) происходит непосредственно из сельских богачей.

На службе у этого реакционного блока находятся мощные политические инструменты: вооруженные силы и полиция, государственные учреждения, привилегированная Национально-демократическая партия (фактически единая партия), религиозный аппарат (Аль-Азхар), фракции политического ислама («Братья-мусульмане» и салафиты). Военная помощь (около 1,5 млрд. долл. в год), которую США оказывали египетской армии, никогда не шла на укрепление обороноспособности страны. Напротив, ее эффект был опасно разрушительным благодаря систематической коррупции, которая, при самом ничтожном отношении к ней, не просто была известна и терпима, но и активно поощрялась. Эта «помощь» позволила высшим

чинам захватить в свои руки некоторые важные звенья командорской экономики Египта, причем до такой степени, что термин «армейская корпорация» («Шарика аль-гейш») стал привычным. Таким образом, высшее командование, возложившее на себя ответственность за руководство переходным периодом, отнюдь не нейтрально, несмотря на то, что старается казаться таковым, дистанцируясь от актов репрессий. Выбранное им и подчиняющееся ему «гражданское» правительство, состоящее в основном из менее заметных представителей прежнего режима, приняло ряд абсолютно реакционных мер, направленных на блокирование любой радикализации движения. Среди них и злобный антизабастовочный закон (под предлогом экономического возрождения), и закон о жестких ограничениях на создание политических партий, призванный ограничить предвыборную игру течениями политического ислама (прежде всего «Братьями-мусульманами»), которые уже хорошо организованы благодаря систематической поддержке со стороны прежнего режима. Однако, несмотря на все это, позиция армии остается, по большому счету, непредсказуемой. Несмотря на коррумпированность ее кадрового состава (рядовой состав — призывники, офицеры — профессионалы), националистические настроения все еще не исчезли полностью. Более того, армия возмущена тем, что на практике уступила большую часть своей власти милиции.

В этих условиях, а также в связи с тем, что движение решительно заявило о своем стремлении отстранить армию от политического руководства страной, вполне вероятно, что в дальнейшем высшее командование будет стремиться не выставлять своих кандидатов на выборах — в том числе и президентских, дата которых до сих пор не определена, а оставаться в кулуарах. Хотя очевидно, что полицейский аппарат остался нетронутым (его преследование не предполагается), как и государственный аппарат в целом (все новые правители — ветераны режима), Национально-демократическая партия исчезла